

29/АВГ. 1939г

МОСКВА

ЮБИЛЕЙ ЧТЕЦА

К 20-летию
эстрадной деятельности
Э. И. Каминки

Свое место на эстраде Эммануил Каминка завоевал упорным трудом и настойчивостью. Как и большинство мастеров художественного слова, Каминка пришел на эстраду из театра. Разочарование, неудовлетворенность, обида? Ничего подобного. Театр встретил Каминку достаточно приветливо. Уже одно то, что первым режиссером и учителем Каминки был Н. Н. Синельников, — большая удача. У Синельникова в Харькове выступал в первый раз в 1919 г. Каминка в крошечной роли второго посетителя в «Докторе Штокмане». Там же играл он уже настоящие роли в «Ревизоре», «Вечерней зоре», «Шутниках» и «Свадьбе Кречинского». И, наконец, в Москве, в театре б. Корш, Каминка, уже вполне сложившийся характерный актер, с успехом выступал в ряде ответственных ролей.

В настоящее время чтецы оставляют свои лучшие порывы, дерзания и стремления в помещениях клубов «Красный деревообделочник», что в Вобровом переулке. Когда начинал Каминка, этого «зала показов» для эстрадников не было. Но пробивать толпу равнодушных эстрадного начальства чтецам было не менее трудно, чем сейчас.

Каминка давно порвал с театром, но актер продолжает в нем жить и сейчас.

Закушняк, сам даровитый актер, в своих «Записках» считает это в какой-то мере недостатком чтеца. «Самое трудное, — пишет он, — уничтожить в себе актера, не играть тех или иных образов, действу-

ющих в произведении, а попытаться рассказать об этих образах, сделавшись как бы вторым автором».

Очень может быть, что для Закушняка, с его манерой чтения, это и было обязательным. Отсюда не следует, однако, делать каких-то обобщающих для всех чтецов выводов. Каминке, например, его актерство, в лучшем значении этого слова, несомненно помогает в практике чтеца. Наиболее ярким, характерным примером этой помощи является исполнение Каминкой отрывка из «Крейцеровой сонаты».

Во Всесоюзном концертно-гастрольном объединении Каминку должны очень уважать и ценить, — к любому литературному юбилею у него всегда готов соответствующий материал. Однако из-за этого стремления быть универсальным, не считаясь зачастую со своими возможностями, Каминка терпит иногда неудачи, которых нужно избегать взыскательному к себе художнику.

Поэзия меньше удается Каминке, чем проза: Пушкина, например, он читает весьма посредственно. Павлинко, Барбюс и Салтыков-Щедрин удаются Каминке меньше, чем Твэн, Мопассан, Чехов и в особенности Шолом-Алейхем. Стихия Каминки — юмор. Иногда подернутый иронией, чаще — овеянный грустью.

Каминка уже двадцать лет выступает на эстраде, но в его манере выходить на сцену, стоять, держаться, подавать слово, кланяться нет профессиональной осанности, самоуверенности и лауреатского самодовольствия. Он скромнее.

Каминка умеет искать и находить интересный материал. Даже у Чехова, каждая строчка которого хорошо известна, Каминка отыскал рассказ «В Москве» и монополю его читает.

Каминке особенно удаются рассказы о забытых людях, униженных и оскорбленных, обиженных жизнью. Его герои — не баловни судьбы, а ее пасынки. Отсю-

да его тяга к Шолом-Алейхему, которого он глубоко чувствует и сердечно передает.

Каминка едва ли не единственный из мастеров художественного слова постоянно читает Шолом-Алейхему. В этом его большая заслуга.

Каминка любит Шолом-Алейхему и его героев — маленьких, бесправных людей, неудачников («Начни торговать саваанами, и люди перестанут умирать»), оптимистов и мечтателей, философов и фантазеров, видевших счастье только во сне.

Поэтические образы Шолом-Алейхему очень близки творческой индивидуальности Каминки. Вот почему юмор Шолом-Алейхему сохраняет в передаче Каминки свою лиричность, теплоту и задумчивость. Зритель смеется и плачет, слушая рассказы о маленьких людях с маленькими упованиями, радостями и удачами.

Продать три еврейских календаря русскому генералу — это ли не предел удачи в жизни бедняка-книгоноши из Одессы!

Финал этого рассказа («Три календаря») замечательно звучит у Каминки. Особенно последние его слова — «Я, конечно, понимаю, что это нехорошо, неприлично, и поверьте, что мне противно, но что делать... Дети ведь кушать просят. Я думаю, что бог меня простит... А что ему еще остается делать?»

Удаются также Каминке рассказы Шолом-Алейхему «С призыва», «Семьдесят пять тысяч», «О трех городах» и рассказ-монолог «Если бы я был Ротшильдом», в котором названные мечты касриловского учителя Каминка передает на редкость пленительно. «Первым долгом я завел бы такой порядок: у жены всегда должна быть в кармане трешница, чтобы она не приставала ко мне по четвергам с жалобами, что нет денег на субботу».

Каминке следует пополнить цикл читаемых им рассказов Шолом-Алейхему рассказами о Копеле Кукареку и его печаль-

ной истории с флагом, о собаке Рябчике и о голубоглазой девочке-подростке Бузе, прекрасной, как Суламифь из «Песни песней».

В своем гениальном автобиографическом романе «С ярмарки» Шолом-Алейхем пишет:

«...Я отдал и вложил в книгу лучшее из всего, чем обладал, — сердце свое. Читайте ее время от времени».

Сердце вкладывает в исполнение рассказов Шолом-Алейхему и Каминка.

Чего еще можно требовать от чтеца?

Однако было бы глубокой несправедливостью и грубой ошибкой ограничивать творческие возможности Каминки главным образом произведениями Шолом-Алейхему.

Мечтой всей жизни многих комических актеров была возможность сыграть трагическую роль. Любимейшей вешью юмориста Каминки является трагический отрывок из повести Л. Толстого «Крейцера соната». Эта повесть выросла, как известно, из небольшого эстрадного рассказа, задуманного автором для Андреева-Бурлака — выдающегося драматического актера и удивительного чтеца 70—80-х годов прошлого века.

Отрывок из повести Толстого — рассказ Позднышева об убийстве жены — Каминка читает взволнованно и вдохновенно и в то же время удивительно сдержанно, глубоко, с большой внутренней силой, с подлинным драматизмом и непосредственной простотой. Даже попот, которым в этой вещи пользуется местами Каминка (прием вообще рискованный), звучит у него убедительно, сурово сосредоточенно и художественно правдиво.

В «Крейцеровой сонате» раскрывается новая, малоизвестная сторона дарования Эммануила Каминки, слышавшего все двадцать лет талантливым исполнителем преимущественно юмористических произведений.

ВИКТОР ЭРМАНС